

Новая Афи

Автор:

Пис Аджо Медие

Новая Афи

Пис Аджо Медие

Novel. Серьезная любовь

Выбор книжного клуба Риз Уизерспун.

Это современная история о бесхитростной девушке, которая не потеряла, а нашла себя в большом городе. «Безумно богатые азиаты» Западной Африки.

Гана, наши дни. Молодая швея Афи выходит замуж за богатого и красивого Эли. Она почти не знает его, но соглашается на брак ради спасения семьи.

Эли давно любит другую, однако родители категорически против его выбора. Они надеются, что с появлением Афи все изменится в жизни сына.

Афи быстро влюбляется в доброго, красивого и щедрого Эли. Она живет одна, редко видит мужа и знает, что он все еще видится с другой. Узнав о своей беременности, Афи ставит Эли ультиматум, и он выбирает ее.

Жизнь налаживается, супруги растят сына и Афи развивает свой бренд одежды. Но однажды она застаёт мужа с той, которую он и не думал бросать. И теперь перед сложным выбором оказывается сама Афи.

«История о поиске независимости и верности тому, кто ты есть». – Риз Уизерспун

«Очаровательный и захватывающий портрет современной женщины, попавшей в несправедливую ситуацию». – Cosmopolitan

Пис Аджо Медие

Новая Афи

Peace Adzo Medie

His Only Wife

© 2020 by Peace Adzo Medie

© Сухляева В., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Посвящается моей бабушке, мадам Джулиане Мансе Цекуме

Глава первая

Эликем женился на мне заочно: на свадьбе он не присутствовал.

Традиционная церемония прошла в третью субботу января у моего дяди Пайеса, на прямоугольном дворе, зажатом между двухкомнатными домиками и деревянными воротами, выходящими на оживленный тротуар. Два семейства, в равной степени счастливые, только по разным причинам, восседали друг

напротив друга на арендованных пластиковых стульях, расставленных аккуратно рядами по всему двору. Впереди для старших членов каждой семьи выставили добротные стулья, обитые плотной тканью и отполированные так, что деревянный каркас сиял подобно горячему шоколаду. Кухню заблаговременно вычистили до блеска, избавили от эмалированных тазов для мытья и хранения посуды и чугунных угольных чаш для готовки.

Перед прибытием гостей тога Пайес – то есть старший брат моего покойного отца – светился так, словно жениться предстояло ему самому. Его точеное лицо с густыми бровями, торчащими во все стороны, не вполне сочеталось с расплывшейся фигурой, а улыбка напоминала гримасу. В то утро, когда тога восседал на своем троне с жесткой обивкой, синяя кенте[1 - Кенте – ганская ткань высокого качества, из шелка и хлопка, с узорами в традиционном африканском стиле. (Здесь и далее прим. перев.)], обернутая вокруг него в традиционной манере, соскользнула с плеча и собралась на поясе, тем самым оголяя мясистую грудь, однако он даже не попытался поправить ткань.

По бокам от тоги сидели его младшие братья, Брайт и Экселлент. Позади них на трех рядах пластиковых стульев расположились остальные дяди и старшие двоюродные братья, всего человек пятнадцать; все выпячивали грудь, преисполненные незаслуженной важности. Мечтая оказаться на месте тоги, они пытались ему во всем подражать: копировали его грубый хохот, который обычно сопровождали хлопки по бедрам и завершало громогласное протяжное «У-у-у-х-у-у-у»; щелкали пальцами, привлекая внимание, а если не срабатывало – свистели. Сегодня им полагалось помогать главе семейства, словно тога Пайес сам был не в состоянии вытянуть руки и принять от моих будущих родственников подарки в виде бутылок шнапса, конвертов, набитых наличными, и коробок в яркой оберточной бумаге. Перед началом церемонии самых младших и незначительных из братьев, разумеется, заменят старшие тети.

Однако пока большинство женщин собрались у моей двоюродной бабушки, в доме напротив. Они суетились на открытой кухне, готовя угощения для банкета, последующего за церемонией. Когда я туда заглянула, в гигантском котле на угольной чаше булькал рыжий от пальмового масла суп из бамии. Сестра моего отца, Сильвия, которая живет в Того[2 - Того – государство, граничащее с Ганой на востоке.] и приезжает по особым случаям, сунула несколько палок в огонь и с криком отскочила, когда посыпались искры. Не успели они рассеяться в воздухе, как кто-то затянул песню, остальные подхватили и повторяли припев до тех пор, пока суп не начал переливаться на угли, образуя дымовые клубы, от которых все

зашлись в кашле. Также воздух пропитался ароматами специй и трав, щекотавшими ноздри. Я зачихала, чем выдала свое присутствие, и меня тут же выдворили из кухни. Пришлось вернуться в дом тоги Пайеса, где тоже кипела бурная деятельность.

Люди сновали между стульями со стопками красивых салфеток, открывашками, кружками и рамками для фотографий, засунутыми в красочные пакеты, – подарки для гостей, которые лежали на специальном столе с белой скатертью. Присматривать за ним назначили Нэнси, мою чрезвычайно деловитую двоюродную сестру, недавно окончившую школу. Ей отводилась непростая задача: отгонять тех, кто прятал свой подарок под одеждой и возвращался за вторым, третьим или даже четвертым. Также сестра хорошо справлялась с малышкой, вечно путающейся под ногами. Я наблюдала за Нэнси сквозь черные решетки на окнах гостиной: она сосредоточенно хмурилась и тщательно пересчитывала красочные пакеты, выставленные на столе. Никогда не видела ее такой серьезной. Впрочем, в семье впервые происходило событие подобного масштаба.

Ко мне подошла Маву?си, одна из дочерей тоги Пайеса, а также моя лучшая подруга, и начала белым платком поправлять мне макияж. Я прикрыла глаза, когда мягкая ткань, которой сестра орудовала с проворством хирурга, несколько раз клюнула мой лоб и перешла к носу. Вскоре платок заменила пуховка пудреницы, выуженной из клатча со стразами.

– Хватит, – запротестовала я, когда она припудривала мне щеки.

За прошедший час Мавуси, наверное, уже пятый раз поправляла мне макияж. Не так уж сильно я вспотела, пока еще относительно спокойная, только уставшая. Сообщив о моей помолвке с Эли, мама словно взвалила мне на голову огромный таз с водой, в котором плескались обе наших семьи. Отнюдь не просто отвечать за счастье других, за их радости и горести. Мне отчаянно хотелось наконец покончить со свадьбой – тогда можно считать, что со своими обязанностями я справилась.

Хотя если подумать, то, скорее, к ним приступила.

– Говорю же, не надо, – повторила я. – Ты только распаляешь мою тревогу.

– Какую тревогу? Разве я не велела тебе расслабиться? Не о чем тут тревожиться! Веселись и улыбайся. – Говоря это, сестра буравила взглядом прыщичек у меня на подбородке.

– Тебя послушать, так все просто. Но ведь я его почти не знаю! Вдруг ничего не выйдет? Вдруг он все равно не бросит другую, не вернется в семью? Я всех подведу! Его родных, свою маму, весь город! Я всю ночь ворочалась, – прошептала я, чтобы никто не слышал.

– Не волнуйся, все считают его достойным человеком.

Казалось, мои слова залетели сестре в одно ухо и вылетели в другое. Я присела на краешек кофейного столика: ноги, облаченные в кремовые туфли с острым носом и на шпильках, уже ощутимо ныли.

– Он чистый? – крикнула мама с противоположного конца гостиной и кинулась к нам.

Она следила за тем, как расставляют тарелки на обеденном столе, предназначенном для матери Эли, его дядей, братьев, сестер и их почетных гостей из Аккры. Им подадут жареный рис, курицу гриль, шашлык и овощные салаты. Остальным же придется довольствоваться супом из бамии и козлятины с акпле[3 - Акпле – гарнир ганской кухни из кукурузной муки, воды и соли. Обычно подается вместе с супами, в одной тарелке: его отщипывают руками и макают в жидкость.] – снаружи, где пройдет церемония. Вскоре принесут горячие блюда; мама сама поставила жареный рис, не желая доверять такую важную задачу моим тетушкам, которые отвечали за банкет.

Я вскочила.

– Дай платок! – рявкнула мама сестре, которая выглядела такой виноватой, словно провалила обязанности моей помощницы. Мама сложила носовой платок, пряча запачканный коричневой пудрой клочок, и начала осторожно отряхивать мой обтянутый кружевами зад – ни в коем случае нельзя, чтобы оторвалась хоть одна блестка.

– Афино[4 - Мама Афи.], позвольте мне, – предложила Мавуси, потянувшись за платком, однако мама шлепнула ее по руке.

Вздвогнув, сестра взглянула на меня со смесью отчаяния и обиды.

- Забудь, - одними губами проговорила я.

Три месяца назад я сказала бы это громко, но теперь воздержалась. Свадьба - событие крайней важности, и мама была вся на иголках - того и гляди сорвется. Все должно пройти без сучка без задоринки: чтобы Эли остался мной доволен, чтобы его мама, тетушка Фаустина Ганьо, вернула сына в лоно семьи, а мы могли наслаждаться статусом, который, несомненно, приобретем, породнившись с уважаемыми Ганьо.

В прошлом тетушка существенно нам помогла. Когда десять лет назад, в две тысячи четвертом году, умер мой отец, нас с мамой выгнали из дома, принадлежащего государству, а большинство ценностей отобрали люди, без всяких доказательств утверждавшие, будто мой отец им задолжал. Именно тетушка предоставила нам один из своих домов - с двумя спальнями, ванной и кухней, - в то время как тога Пайес даже не поднял свой зад со стула, а лишь развел руками, мол, в нашем семейном доме нет свободных мест (семья у него большая, но некоторые комнаты он сдавал чужим). Более того, тетушка устроила маму на свой склад муки продавщицей. А ведь эта женщина не приходилась нам ни родственницей, ни другом семьи! Разумеется, мы знали о ней, как и все в городе. Она была не единственной богатой предпринимательницей, однако самой щедрой - той, которая никогда не отказывала в помощи нуждающимся. Мы часто видели ее белый «Паджеро», проезжающий по главной улице города: у руля - водитель, сзади тетушка. В детстве я ходила на рождественские праздники, которые она устраивала каждый год для местной детворы. Изначально их проводили на лужайках парков и скверов, а позже переместили на стадион, когда районный министр робко посетовал на проплешины в газоне. На этих праздниках мы вдоволь напивались охлажденным лехи, сладким кукурузным напитком, и уходили с пакетиком угощений - пончиками, чипсами и конфетами. Мама также состояла в «Женской гильдии»[5 - «Женская гильдия» - исключительно женское объединение в рамках пресвитерианской церкви (направление протестантизма).], которой тетушка руководила так давно, что никто уже не помнил ее предшественницу и не задумывался о новых выборах.

- Благослови ее Всевышний! - благоговейно приговаривала мама, со слезами глядя на мешок кукурузы или какой-нибудь другой гостинец, который

временами завозил нам тетушкин водитель. Как минимум половину утренней молитвы мы вверяли нашу покровительницу в руки Бога и молились, чтобы на нее лилась благодать, как из рога изобилия. При этом в детстве я с большим беспокойством представляла тетушку по шею в сверхъестественной субстанции, которая также льется ей на голову из парящего золотого рога.

– Отец всемогущий, благослови ее, окутай своей любовью, наполни своей благодатью, – молила мама с дрожью в голосе.

Она и помыслить не могла, что однажды сможет отплатить тетушке за всю ее доброту, пока та не предложила брак между нашими семьями. И вот теперь мама осторожно разглаживала мерцающие рукава моего платья с вырезом лодочкой и велела Мавуси придерживать переливающийся кремовый подол, чтобы он не испачкался.

На мгновение я задумалась о мамином внешнем преображении для свадьбы. Она словно превратилась в другого человека. На ней был уложенный в каре шелковистый черный парик, который она купила во время поездки в Аккру за покупками – первой после смерти моего отца. На ней прекрасно сидели каба с вырезом лодочкой и слит[6 - Каба и слит – традиционный ганский женский наряд, состоящий из кабы – облегающей кофточки с оборками на талии – и слита – длинной узкой юбки, расширяющейся от колена. Их шьют из одной ткани (обычно с яркими узорами), из-за чего наряд выглядит как платье.], расписанные восковым батиком в бело-синих тонах, традиционных для матери невесты. Шею и запястья украшали синие глиняные бусы, доставшиеся от бабушки, а туфли на низком каблучке подходили по цвету к белой атласной сумочке. Мама давно не наряжалась так элегантно.

Раздались радостные крики «Mia woezor!»[7 - «Добро пожаловать» на языке эве, распространенном в Гане. Официальным языком страны является английский.]. Так бурно могли встречать только тетушку и ее свиту.

Мама спешно загнала меня в спальню, а перед уходом предупредила:

– Никому не показывайся!

Я слышала все, что происходило во дворе, поскольку младший брат Эликема, Ричард, потребовал установить микрофоны. Он также привез из Аккры циами[8 -

Циами – так называемый «переводчик», представитель вождя, который общается с людьми вместо него.] вместе с видеооператором и фотографами; они весь день ловили камерами мое лицо, дабы запечатлеть для жениха каждый его нюанс.

В начале церемонии моих родственников приветствовал старший брат Эли, Фред, который на последних выборах активно участвовал в кампании президента, а теперь занимал должность заместителя министра транспорта. Затем он, согласно традиции, объявил:

– Мы увидели в этом доме прекрасный цветок – яркий и ароматный цветок, который пришли сорвать!

Гости подняли возбужденный шум – как же иначе, надо чествовать все, что бы ни сказал Фред, такой важный человек!.. Циами пришлось просить тишины.

– Добро пожаловать! – ответил тога Пайес дрожащим от волнения и счастья голосом, ведь у него в гостях сам заместитель министра! Человек, который часто мелькал в вечерних новостях в сопровождении президента, а теперь обращался к нему – скромному тоге Пайесу.

Циами напомнил, что перед срыванием цветов нужно произнести молитву. Один из мужчин нашей свиты, с повязанной вокруг талии тканью, совершил возношение богам пальмового вина в калембасе – сосуде из бутылочной тыквы. Отец Виздом, как всегда, деловитый, незамедлительно произнес короткую молитву – несомненно, гости оценили его лаконичность. Затем Фред преподнес тоге Пайесу две символические бутылки шнапса, после чего настал черед остальных родственников.

– Простите! – начал циами, привлекая всеобщее внимание: людям не терпелось посмотреть, какие подарки преподнесут неприлично богатые Ганьо. Мы, как положено, предварительно передали им список пожеланий, весьма скромный, однако поговаривали, что вместо двух бутылок шнапса они привезут десять коробок виски «Black Label», а вместо чемодана, набитого бельем, рулонами ткани, украшениями и другими вещами, необходимыми женщине для начала новой жизни, они подарят нам внедорожник с мини-бутиком внутри. Признаться, эти сплетни меня знатно повеселили.

– Сперва примите напитки – еще пять бутылок шнапса! Пять ящиков безалкогольных напитков! Пять ящиков пива! Пять ящиков «Guinness»! Два галлона пальмового вина! – кричал циами, словно объявляя призы в игровом шоу. Затем мою семью пригласили в соседнюю комнату, где хранился выкуп за невесту, преподнесенный моим будущим мужем с помощью своих братьев. Выполнять задание отправились родственницы моего отца во главе с его единственной сестрой Сильвией. Минут через пять они вернулись и подтвердили, что все на месте, Ганьо не только не обманули, но и принесли гораздо больше запрошенного.

– Отец, мы знаем, сколько вам пришлось выстрадать ради своей дочери, поэтому не собираемся забирать ее у вас просто так, отнюдь, – нараспев произнес циами. – В современной Гане совсем нелегко воспитать хорошую дочь. Дочь почтительную и скромную, несмотря на красоту, – продолжал он под одобрительный ропот. – Дочь как со школьным образованием, так и с домашним воспитанием; дочь, которая и книги читает, и вкусные супы варит. – Он сделал паузу для драматичного эффекта. – Поэтому мы пришли не с маленькими подарками, нет, мы пришли с дарами, которые воздадут должное вашему труду! – Нетерпеливые гости подзадоривали циами, и под бурные аплодисменты и улюлюканье он воскликнул: – Мы пришли с подарками особыми, подарками потрясающими и невероятными!

Когда шум стих, послышался шелест бумаги – подарки передавали из рук в руки. Затем хриплый голос тоги Пайеса принялся повторять: «Спасибо!», на разные лады. Если бы циами его не остановил, он бы наверняка благодарил Ганьо весь день. Я бы не удивилась, упади он в обморок от экстаза. Ну а как же, приятно получать вознаграждение за работу, которую ты не выполнял!

Настала очередь моей мамы.

– Мы знаем, как нелегко вам далось материнство: вы девять месяцев вынашивали дочь, затем изо дня в день ее кормили, возили в больницу с температурой, вытирали ей слезы, ездили в другой город, чтобы навестить в школе-интернате. Мы знаем, насколько трудна эта работа, и вы справились с ней превосходно! Именно поэтому мы привезли вам подарки. Мы благодарим вас за то, что вы позаботились о ней для нас, – проговорил циами более серьезным тоном: вероятно, ему рассказали историю наших злоключений.

Благодарности мамы не уступали по пылкости благодарностям тоги, вот только ее не прерывали. Даже не видя лица матери, я знала, как она счастлива, ведь такие важные люди признавали ее заслуги перед теми, для кого она всегда была пустым местом.

Затем Фред, через циами, преподнес еще больше даров: белые конверты другим дядям за то, что помогали тоге Пайесу меня воспитывать, и тетям за то, что присматривали за мной в отсутствие матери. Подарки достались также моим старшим двоюродным братьям за то, что водили меня в школу, и младшим за то, что со мной играли. И только после этого тетя Сильвия выпустила во двор Мавуси и провозгласила:

– Вот и она! – Затем добавила: – Что вы говорите, разве не она? – Раздались смех и хор «Нет!». – Ну хорошо, хорошо, я за ней схожу, но сперва мне нужен небольшой подарочек. Ведь чтобы добраться до нее, необходимо пересечь мост, а он платный, – лукаво проговорила тетя Сильвия.

Вновь все рассмеялись, затем повисла тишина – полагаю, один из Ганьо передавал плату. Вскоре ко мне пришли две старшие женщины моей семьи.

– Готова? – спросила мама, в то время как тетя Сильвия осталась у двери.

Я кивнула, проглотив комок в горле.

– Не бойся. – Мама взяла меня за руку.

Я вновь кивнула и до боли сжала ее ладонь. Мы обе поежились.

– Афи, нет причин для беспокойства, ничего не бойся! Я тобой горжусь! Ты осушила мои слезы, избавила от стыда. Благодаря тебе те, кто надо мной смеялся, теперь смеются вместе со мной. Да благословит тебя Господь, дочь моя! – проговорила она, прерывисто дыша.

– Верно, – выдохнула тетя Сильвия.

Я крепко обняла маму. Почувствовав прикосновение моего лица к своим волосам, она немного отстранилась.

– Макияж не испортить.

– Нас ждут, – мягко напомнила тетя Сильвия; я так вцепилась в маму, словно не собиралась отпустить.

Наконец они встали по бокам от меня, взяв за ладони со свежим маникюром, и вывели во двор. Раздались аплодисменты, улюлюканье и откуда-то сзади – ритмичное дребезжание погремушки ахацей[9 - Ахацей – традиционный музыкальный инструмент народа эве.].

Меня поставили перед двумя семьями. Я остро ощущала на себе множество изучающих глаз, выискивающих во мне изъяны, и, чтобы отвлечься, отыскала в толпе тетюшку. Она восседала в первом ряду, дородная и величественная, в традиционном наряде из довольно непримечательной ткани, у основания шеи лежал камешек на тонкой золотой цепочке. По бокам от тетюшки расположились ее сыновья: справа крупный, мускулистый Фред, а слева заместитель Эли, Ричард, поменьше брата и покруглее. Также спереди сидел почти слепой дядя со стороны покойного отца Эли. Во втором ряду вместе с остальными родственниками разместилась единственная дочь тетюшки Йайа – в кружевном платье, не уступающем моему по красоте, и со сверкающим головным шарфом, искусно уложенным в форме шестиугольника. Рядом сидела жена Фреда Сесилия в более скромном наряде.

Следуя маминему примеру, я пожала руки сперва семье Ганью, а потом и своим родственникам. Сердце забилось быстрее, когда я села на стул рядом с Ричардом. Скорее всего, с Эли мне было бы спокойнее – я по крайней мере знала бы, что он чувствует. По словам тетюшки, он счастлив на мне жениться – это подтвердил и он сам во время звонка из Гонконга: сказал, что с нетерпением ждет нашей встречи, извинился за вынужденное отсутствие на свадьбе из-за неотложных дел за границей, которые настоятельно требовали внимания. Однако разговор вышел коротким, а из-за помех связи его голос звучал отстраненно.

Эли редко появлялся в нашем городке под названием Хо. Самый успешный из трех братьев – и наименее заметный. Он окончил школу на тринадцать лет раньше меня и выпустился из университета, когда я еще ходила с короткой стрижкой ученицы. Мне довелось его увидеть лишь однажды: он приезжал на каникулы и зашел на мучной склад, где я часто помогала маме. Помню, как Эли ласково мне улыбнулся – ну или казалось, что мне, – и отправил одного из

посыльных купить кока-колу всем рабочим. Я перед ним благоговела: в конце концов, он приходился тетушке сыном. Сыном, который носил накрахмаленные бежевые шорты, открывающие крепкие икры, и футболку от «Lacoste», обтягивающую мышцы груди и бицепсы; сыном, который водил «Пежо 504», некогда возивший его маму, и который оканчивал университет. Именно он, скорее всего, однажды унаследует дом, приютивший нас, и магазин, предоставивший работу маме. Как тут не благоговеть?

Тем не менее как он мог пропустить нашу свадьбу? Знаю, такое иногда случается, только обычно женихи отсутствуют из-за проблем, от них не зависящих: просроченной визы или отсутствия вида на жительство, серьезной болезни или недостатка средств на билеты. Однако я никогда не слышала о женихе, который не пришел на собственную свадьбу из-за дел по работе. Что это за дела такие, из-за которых приходится пропустить собственную свадьбу? Этот вопрос вертелся у меня в голове со звонка из Гонконга.

Когда отец Виздом благословил Библию и золотое кольцо, принесенное Ричардом, в сердце вновь прокралось мучительное сомнение. Во что я ввязалась? По силам ли мне сделать то, чего от меня ждут? Ждет тетушка, мама и все присутствующие на свадьбе. Стоящая справа от меня мама широко улыбалась – так счастливо и открыто, как не улыбалась почти десять лет. Ее улыбка олицетворяла годы надежды, давно похороненные смертью и тревогами. Я видела круглое лицо тетушки – умиротворенное лицо женщины, довольной тем, что наконец удалось решить наболевшую проблему. Ее семья вокруг сияла от радости: благодаря мне к ним вернется блудный сын.

Будь Эли рядом, он подсказал бы ответы на мучившие меня вопросы. Я все поняла бы по тому, как осветилось бы гордостью его лицо, когда его сестра преподнесла мне два больших чемодана, набитых одеждой с обувью и завернутых в блестящую подарочную бумагу. Я все поняла бы по его довольной улыбке от моего «Да» на вопрос тоги Пайеса: «Афи, нам принять подаренный шнапс?» Поняла бы по тому, как крепко он обнял бы меня после того, как дал мне Библию и надел на палец кольцо; поняла бы по искренности его «Аминь», когда отец Виздом благословил наш брак и велел мне почитать и любить своего мужа. Однако я была вынуждена довольствоваться его заместителем Ричардом и продолжать мучиться неопределенностью.

Через четыре часа все закончилось. Гости поели и выпили, хотя многие начали возмущаться из-за еды, напитков и подарков. Они хотели ресторанных блюд,

которые подавали в доме самым почетным гостям за столом с вилками и ножами. Хотели угощений на вынос, чтобы еще бесплатно поужинать. Все же свадьбу устраивали сами Ганьо!.. Сердитый взгляд Нэнси в конце концов их прогнал, однако они успели кое-что прихватить: завернутую в салфетку и в платок жареную рыбу, бокал, засунутый в сумочку, набор столовых приборов, спрятанный в подарочный пакет, а также два пластиковых стула – позже их унесут в спальню тоги Пайеса. Все до единого должны извлечь выгоду из нашего союза.

Мы покинули дом на тетушкиной машине. Я ужасно устала, ноги ныли; хотелось упасть в кровать и не вставать по меньшей мере сутки. Увы, мама и новые родственники мне не позволят. Мы направлялись к тетушке, чтобы позвонить Эли и поделиться подробностями прошедшего дня. Позже они вышлют ему фотографии и видео. Затем водитель отвезет нас с тетушкой и мамой в церковь, чтобы проверить, все ли готово к воскресной службе для благословения нашего брака, после которой мы с мамой начнем собираться в Аккру – тетушка не хотела затягивать с отъездом.

– Теперь ты его жена и должна жить в доме мужа, – сказала она спокойно, но твердо, едва я уселась на заднее сиденье автомобиля между ней и мамой.

Когда мы отъезжали, нам махали и кричали дети с разорванными подарочными пакетами со свадьбы. Тетушка помахала в ответ, затем вновь повернулась ко мне:

– Тебе полагается занять свое законное место.

Она не сказала, что в тот момент мое место занимала либерийка – женщина, которая не являлась женой Эли, которая презирала его семью и смотрела на наши традиции свысока. Тетушке и не нужно было говорить, мы и так знали. Именно из-за этого мы с трудом засыпали и поднимались на рассвете. Именно эту проблему мне предназначалось решить.

Глава вторая

В понедельник я впервые в жизни проспала до полудня – мама никогда не позволяла мне долго валяться в постели.

Встав на рассвете, чтобы опорожнить мочевой пузырь, который лопался от «Мальта Гиннесс»[10 - «Мальта Гиннесс» – популярный в Африке безалкогольный солодовый напиток, похожий на квас.], выпитого накануне на приеме после церковной службы, я услышала шуршание веника. Сметать увядшие коричневые листья миндальных деревьев с нашего маленького неогороженного двора, пока утреннюю прохладу не сменила духота, всегда являлось моей обязанностью, от которой меня избавляло лишь трехлетнее обучение в государственной школе-интернате в другом городе. А теперь вот, видимо, и брак – брак с Эли Ганьо. Внезапно я задумалась, как меня отныне зовут: миссис Афи Ганьо или все еще Афи Текпле? Появляется ли приставка «миссис» и новая фамилия только после венчания, или вполне достаточно традиционной свадьбы? Вряд ли это беспокоило наши семьи: им важно лишь, чтобы меня признали женой Эли перед народом и перед Богом. Мой отец, однако, будь он жив, непременно настоял бы на свидетельстве о браке.

Отец, Элластириас Текпле, всегда все делал по закону. Хотя многие в те времена не нуждались в признании брака государством, папа официально расписался с мамой и гордо вывесил свидетельство на стене в нашем доме, выделенном дорожно-транспортным министерством, где он работал инженером. Папа пустил к себе только одного из своих племянников, Додзи, поскольку считал неправильным втискивать кучу народа в маленький домик.

– У тебя есть гостиная, есть кухня, – возмущался его самый навязчивый брат Пайес. – Даже веранда есть с крышей!

Мужчины сидели в гостиной, а я пряталась за дверной занавеской, подслушивая по указанию мамы, но и из-за собственного любопытства восьмилетки, чей дядя вечно приносит с собой скандалы.

– Фо[11 - «Брат» – уважительное обращение как к братьям, так и ко всем мужчинам.] Пайес, слишком много народу в таком маленьком доме – для здоровья неблагоприятно. К тому же подумай о моих жене и дочери – нельзя заставлять их жить с кучей людей. Ты ведь знаешь женщин. Моей жене нужно свободно передвигаться по дому. Как ей готовить на кухне, когда там спят мои родственники?

Тога Пайес медленно покачал головой, не веря своим ушам, – подобные глупости отравляют умы ганцев, которые слишком много учатся.

– В каком смысле для здоровья неблагоприятно? И как же, скажи на милость, мои дети, живущие в доме своего дяди, побеспокоят его жену? Разве ж ты им не дядя? Разве твой дом также и не их дом? Сколько места нужно Афино? И Афи? Она совсем кроха!

Он развернул перед собой ладони и потряс – жест выражал одновременно мольбу и недоумение. В то время у тоги было одиннадцать детей от трех жен, он управлял небольшой птицефабрикой, на которой в основном работали женщины и дети. Давным-давно он поселился в доме моего тогда еще живого дедушки и с тех пор разделил комнаты между членами своего многочисленного семейства. Когда старшие дети съехали, он сдал освободившиеся комнаты в аренду, а вырученные деньги прикарманивал, хотя дом по праву принадлежал также и его четверем младшим братьям и сестре.

– Ох уж этот твой братец! Отдай мы ему половину нашего имущества, он все равно будет просить больше! – пожаловалась моя мама отцу, когда однажды вернулась с рынка и обнаружила на крыльце второго племянника со скудными пожитками в джутовом мешке. – Кто вообще отправляет своих детей на воспитание другим, когда сам в состоянии о них позаботиться? Разве ты обязан нести бремя всех родственников только потому, что получаешь зарплату? Разве деньги, которые он зарабатывает на своих курах, не того же цвета, что и деньги, выданные тебе правительством? – кричала она в нашей общей спальне, не заботясь о моих двух двоюродных братьях, смотрящих телевизор в гостиной.

– Оливия, не забывай: фо Пайес оплатил мою учебу в университете.

– И что с того? Разве он единственный в мире помогает братьям? Все старшие чем-то жертвуют ради младших! Ты теперь всю жизнь будешь с ним расплачиваться? Взваливать на свои плечи его обязанности?

– Я не против, – пытался уговорить ее папа.

– Не против, что твой брат превращает наш дом в интернат?

– Оливия, он мой старший брат, – серьезно сказал папа. Даже в том возрасте я понимала, что он согласен с мамой, просто не желает ссориться с братом.

– А ты не забывай, что я твоя жена!

После того разговора папа отвез одного из мальчиков обратно домой, на другой конец города, но предложил оплатить его учебу. Тога Пайес согласился, однако остался весьма недоволен и рассказывал каждому встречному – то есть всем нашим знакомым, – как жена его брата вышвырнула бедного мальчика из дома родного дяди. А когда папа умер и министерство потребовало в течение недели освободить дом, тога Пайес и все сочувствующие его жалобам стояли перед нами, уперев руки в бока, и злобно перешептывались, мол, посмотрим, куда она теперь подается.

Когда министерские служащие свалили наши вещи в кучу перед коричневыми металлическими воротами дома, именно Мавуси со своей мамой, Даави Кристи, пришли, чтобы помочь нам перенести их в дом тоги Пайеса. Мама поставила каждому из нас на голову по тазику с горами посуды, и мы отправились в путь, обсуждая предстоящую жизнь на новом месте и изо всех сил стараясь игнорировать взгляды тех, кто пришел позлорадствовать. Мы совершили две ходки, пока не появились члены «Женской гильдии» с арендованной грузовой машиной. Тога Пайес и пальцем не пошевелил, чтобы нам помочь, а ведь ему полагалось заменить мне отца.

Маме больше не к кому было обратиться. Конечно, у нее имелась семья – у всех где-то да есть родственники. Однако у нее остались только дальние: родители давно погибли, а двух сестер много лет назад забрала неизвестная болезнь. Маму воспитала тетя, которая теперь жила с сыном на севере страны. Я понимала: хотя нас и окружала большая семья, мы остались одни.

Именно Даави Кристи нас приютила. Почти год мы с мамой жили в одной комнате с ней, Мавуси и ее двумя младшими братьями, Годсвеем и Годфредом. Взрослые спали на единственной кровати, в то время как дети разместились на полу на матрасах. Мальчики, и так недовольные тем, что приходится делить комнату с мамой и сестрой, первые несколько дней корчили сердитые гримасы, а когда их молчаливый протест не сработал, начали наступать на меня, пересекая комнату. Их недовольству положили конец заботливые материнские подзатыльники.

Мы с Мавуси стали лучшими подружками. Обычно мы укладывали наши матрасы рядом в центре комнаты напротив окна, где порой проскальзывал приятный ветерок, и шептались до глубокой ночи, едва заснут остальные. Мы придумывали ответы на вопросы, которые не осмеливались задать взрослым. Например, недавно у Мавуси появился единокровный брат с кривыми ножками, потому что его мама пнула козу, когда была беременна. Тога Пайес залепил пощечину одной из наших сестер-подростков, а затем отправил жить к родственникам в Кпандо[12 - Кпандо – город на юго-востоке страны, рядом с озером Вольта и недалеко от государственной границы с Того.], потому что застал ее за размалыванием стеклянной бутылки для приготовления раствора, с помощью которого она хотела избавиться от плода в животе. Дядя планировал построить ванную комнату со сливным унитазом для личного пользования – остальные продолжают стоять в очереди к общественному туалету в конце улицы. Женщина, продававшая там аккуратно вырезанные квадратики газеты, была ведьмой. Даже хуже – королевой ведьм. Ее открытая рана на предплечье не заживала, потому что другие ведьмы лизали ее в дань уважения во время полуночных шабашей на верхушках высоких деревьев.

– Только не касайся ее руки, когда платишь за газету, – обеспокоенно предостерегали мы друг друга. В тот год нас обеих мучили сильные боли в животе из-за попыток противиться зову природы, чтобы оттянуть посещение общественного туалета.

Тем для обсуждения прибавилось, когда меня перевели в государственную начальную школу, в которую ходила Мавуси. Мне даже повезло попасть в ее класс в первую смену. Благодаря подруге я легче пережила жизненные перемены. Тем не менее мне не сразу удалось приспособиться к государственной школе: к необходимости сидеть втроем за партой, рассчитанной на двоих; к учителям, которые так сильно путались в английской грамматике, что директор позволял им вести уроки на языке эве; к работам на огородах вместо уроков; к энтузиазму, с которым учителя орудовали своими прутиками: малейшее нарушение, и эти прутики обрушивались на наши спины с такой силой и скоростью, что глаза на лоб лезли, а на бледной коже потом оставались красные полосы размером с палец. Да, совсем не так преподавали в частной школе, которую оплачивал папа. Однако я не жаловалась, боясь напомнить маме о наших невзгодах.

Хотя мы никогда богатыми не были, нам всегда жилось комфортно – определенно комфортнее, чем большинству родственников, соседей и друзей.

Поэтому перемены в нашей судьбе тяжело отразились на маме. Разумеется, она чувствовала благодарность к Даави Кристи за кров, и все же зависимость от доброты других постоянно напоминала маме, как низко мы пали. Только недавно мы вели достойную жизнь среднего класса, а теперь в затылок громко дышала бедность. Разве мы предвидели подобное?

– Надо было тщательнее следить за тем, как твой отец распоряжается деньгами, – жаловалась мне мама во время поездки на городской рынок, где не могла позволить себе большинство продуктов: говядину, рис, молоко и маргарин. Она знала, что папа тратит много денег на братьев и их семьи, но раз нам всего хватало, не спорила. Только на одном настаивала: начать строить дом на участке, унаследованном от ее родителей. Впрочем, папа успел лишь закупить цементных блоков. Если бы только она заставила его достроить дом! Если бы требовала откладывать часть зарплаты, а сама серьезнее относилась к своему пекарному бизнесу, ей бы не пришлось спать в одной кровати с Даави Кристи, а мне – на полу. Она повторяла мне эти сожаления о прошлом, как сказку на ночь, чтобы я разделила их с ней. Чтобы жалела о тратах на поездки в Аккру за лакированными туфельками с блестящими пряжками и за пышными платьями, отделанными кружевом. Чтобы жалела о съеденных школьных ланчах, способных прокормить трех, и о прилегающих к этим ланчам карманных деньгах. Столько средств растрачено на ерунду, а теперь моей бедной матушке приходится есть из чужой тарелки.

В понедельник ко мне пришла Мавуси, тоже изнуренная долгой организацией свадьбы и ее проведением, и втиснулась рядом со мной на маленькую кровать. Я вспомнила о совместных ночевках на полу в спальне ее мамы. Как же все изменилось! Полагаю, нам обеим еще не верилось в происходящее: подумать только, я – жена Эликема Ганьо! Однако, едва сестра устроилась поудобнее, наружу вырвались мои страхи и сомнения.

– Как же странно быть замужем за форменным незнакомцем! Вдруг мы не поладим? Вдруг не подойдем друг другу? Что мне тогда делать?

– Он не чужой, мы все его знаем.

– Только не в качестве мужа. На людях он, может, милый и добрый, а наедине – настоящее чудовище. Такое нередко случается!

– Верно. Хотя, если подумать, всякий брак – лотерея, даже если жениться на том, кого знаешь всю жизнь. Поэтому много разводов. Но я правда считаю, что тебе беспокоиться не о чем. О твоём муже никто никогда и дурного слова не сказал. Даже папа, а он-то почти никого не хвалит!

– Хм-м. О моем муже?

– Ну а что, не муж он тебе разве?

– Свидетельства о браке нет. Не знаю, могу ли я называть себя «миссис Ганьо».

– Для брака не нужны никакие свидетельства. Многие обходятся домашними свадебными церемониями. Если двое живут вместе как муж с женой, тогда все и будут их таковыми считать.

– Все, за исключением закона.

– Ну, если тебя это беспокоит, зарегистрируй брак, когда вернется твой муж.

– Как же я устала от всей этой брачной путаницы! Жениться в церкви, жениться официально, жениться дома... Чтобы во всем разобраться, нужно прочитать целую книгу! А вообще, я вот о чем подумала – сколько всего жен разрешено завести мужчине в традиционном браке?

– Тебе-то какая разница?

– То есть?

– Ведь ясно, что твой муж не из тех, кто коллекционирует жен, как сувениры. Даже тебя ему нашла мама. Не выдумывай себе проблем. Лучше скажи, чем будешь заниматься в Аккре?

Ее лицо находилось так близко, что можно было сосчитать крошечные бугорки, образовавшиеся на линии роста волос из-за слишком туго заплетенных косичек. Мы с Мавуси даже внешне походили: те же ямочки на щеках, та же щербинка между передними зубами, только кожа у нее темнее.

– В смысле?

– Ну ты что, намерена целыми днями торчать дома?

Я хотела поступить в школу модельеров, чтобы научиться создавать и шить наряды, какие носила моя новоиспеченная золовка Йайа. Хотела открыть собственный бутик – настоящий, из цемента, а не деревянный киоск, – с огромными витринами и кучей помощников. Я хотела познать мир за пределами Хо – мир, в котором не приходится шить одни и те же три наряда (для тех, кто вечно забывает приносить оплату) на веранде, чтобы скопить на киоск, который до брака я собиралась установить на цементных блоках рядом с нашим домом.

Мавуси улыбнулась, услышав о моих планах.

– Я стану твоим пиарщиком.

Я рассмеялась.

– Зачем швее пиарщик?

– Не швее, а модельеру! У всех крутых дизайнеров одежды в Аккре они есть, разве ты не в курсе?

Мы переплели руки, как в детстве, когда шептались о мальчиках, которые нам нравились. Все так волнующе!

Однако нельзя целый день валяться в постели, хихикая, как дети. Мне предстояло попрощаться с дядей и другими старшими родственниками, а также собрать вещи для переезда. Наконец оторвавшись от кровати, я пошла купаться. Мавуси осталась ждать в комнате. Выйдя из ванной, я услышала, как мама с кем-то разговаривает, вскоре к ней присоединился голос Йайи, младшей из детей Ганьо.

– Твоя золовка пришла тебя навестить! – прокричала мама с веранды, а затем провела стильную женщину в мою комнату. Она отодвинула занавеску в дверном проеме, пропуская гостью, совершенно не обратив внимания на мою наготу, которую я пыталась робко прикрыть тканью. Мавуси незамедлительно

извинилась и ушла в гостиную.

Меня никогда не смущала необходимость раздеваться перед другими женщинами, особенно после трех лет купания в душевых кабинках без дверей и переодевания в общежитии с четырнадцатью девочками. Однако что-то в Йайе заставляло меня отчаянно робеть. Возможно, пугало ее близкое родство с тетусшкой. Или то, как она тщательно подбирала слова, прежде чем заговорить. Или диплом южноафриканского университета и наряды, сшитые портнихой первой леди (последнее мне услужливо сообщила Мавуси). В общем, рядом с ней я чувствовала себя сопливой девчонкой перед настоящей женщиной. Женщиной, одетой в облегающую джинсовую юбку и красную блузку с довольно глубоким декольте.

– Как ты себя чувствуешь? – вежливо спросила она, усаживаясь на край незаправленной кровати.

От смущения у меня внутри сжалось нечто мягкое, но напористое – мне нравилось называть это «нечто» душой.

– Хорошо. – Я крепко сжала в кулаке оба конца ткани, завязанной над правой грудью. Боясь садиться рядом с Йайей, я прислонилась бедром к столу, на котором лежала бо?льшая часть моего имущества. – Спасибо вам за все, что вы сделали, – проговорила я на эве, боясь на английском выразиться невежливо.

– Пустяки, – ответила она по-английски, – кроме того, это нам нужно тебя благодарить.

Гостья окинула мою маленькую комнату взглядом, не поворачивая головы. Боюсь даже представить, какое у нее сложилось мнение при виде весьма скромного интерьера и всякого хлама: иссохшего геккона, прилипшего к углу потолка, серого цементного пола, разномастных выцветших занавесок, ткани с узелковым батиком, служившей мне простыней, ручной швейной машинки, стоящей на низком столике за дверью, всякой всячины, включая старинный чемодан и новые алюминиевые кастрюли, которые мама сложила на большом столе; при виде моей обуви – в основном секонд-хенд, – гордо выстроившейся в три ряда у подножия кровати.

– Знаешь... – неуверенно начала Йайа, – у фо Эли в Аккре несколько домов.

Я кивнула, не вполне понимая, что именно она пытается мне сообщить, – наверняка не только количество домов ее брата. Хотелось спросить, в какой из них поселят меня, но я не решилась.

– Эта женщина... – промолвила золовка и замолчала, рассматривая стразы на моих свадебных туфлях у кровати. Наконец она продолжила, встречаясь со мной взглядом: – Эта женщина причинила маме много страданий. Она пыталась разрушить нашу семью. И почему? Чем мы ей не угодили? Ты знала, что она не пустила Эли на празднование маминого семидесятилетия? – Ее голос звучал жестко, однако в глазах застыли слезы. Быстро поморгав, она резко встала. – Увидимся в Аккре.

Затем Йайа широко улыбнулась и вытянула руки. Я шагнула в ее объятия, по-прежнему неловко сжимая узел ткани. Оставшись одна, я упала на кровать, почувствовав мгновенно навалившуюся усталость.

– Что она сказала? – спросила Мавуси, вернувшись в комнату, как только ушла Йайа.

– Честно говоря, сама не поняла. Вроде как хотела поговорить о своем брате и той женщине, но толком ничего не сообщила.

– О той женщине! – Двоюродная сестра сердито покачала головой.

– О той женщине, – повторила я.

– Не переживай, ты освободишь от нее своего мужа.

– Аминь.

На какое-то время Мавуси вселила в меня уверенность, что мне удастся вырвать Эли из лап той женщины. Сестра всегда умела меня успокоить, а после поступления словно даже стала мудрее, и я начала ценить ее мнение еще больше. Она училась на третьем курсе Университета Кейп-Коста на факультете массовых коммуникаций. Сперва я ей завидовала, ведь она отправилась учиться, в то время как я застряла в Хо, в швейной мастерской сестры Лиззи. Однако

теперь я замужем за сыном тетушки, Эликемом Ганьо!

Мавуси помогла мне расчесать спутавшиеся накладные волосы, произведенные на китайской фабрике. Опыт наших матерей многое нам поведал о браке. Мы с сестрой любили спорить о том, кто из них больше презирал тогу Пайеса. Я сбилась со счета, сколько раз слышала, как на него жалуется Даави Кристи, самая младшая из жен.

– В жизни не встречала такого мужчины! Столь скупого и бессердечного, – говорила она моей маме, когда тога Пайес не дал нам комнату в семейном доме, по праву принадлежащую моему отцу.

– Все мужчины одинаковы, только себя и любят, а женщинами пользуются, – заявила она нам, когда тога Пайес отказался платить за обучение Мавуси в университете, отчего Даави Кристи пришлось продать все свои хорошие ткани и бусы ради образования дочери. Мама ответила на ее высказывание неодобрительным взглядом: пусть она тоже презирала тогу Пайеса, но не равняла всех мужчин. Ее-то муж был совсем другим. Больше всего на свете я надеялась, что мне повезет не меньше, чем маме.

Принимая предложение тетушки о замужестве, я уже знала о другой женщине Эли.

Одним октябрьским днем я сидела с Мавуси у тоги Пайеса, когда позвонила мама и велела немедленно идти домой. Я сразу догадалась, что дело серьезное: в целях экономии мама обычно писала мне сообщения. Когда я вернулась, она ждала меня на веранде, устроившись на табурете.

– Присядь. – Она указала на соседний табурет.

– Что случилось?

– Присядь, говорю.

Я повиновалась.

– Сказанное мной должно остаться между нами, – начала она, глядя на свои вытянутые ноги.

– Что такое? – встревожилась я.

– Никто не должен знать, даже Мавуси.

– Хорошо, я никому не скажу.

Она взяла мою руку и положила себе на колени, а затем поведала о своем разговоре с тетушкой. Когда она закончила, воцарилась тишина. Очевидно, мама ждала моей реакции.

– Поняла? – наконец не выдержала она, раздраженная моим молчанием.

– Он хочет на мне жениться?

– Захочет. Вечером тетушка пришлет водителя за твоими фотографиями. Он захочет на тебе жениться.

– А как же его жена?

– Та женщина, та ужасная женщина – вовсе не его жена.

– Ладно. Но ведь он меня не знает.

– Узнает.

– Когда? До или после свадьбы?

Мама с досадой зашипела сквозь стиснутые зубы и раздраженно скинула мою руку со своих колен.

– Ты уже не ребенок, так что хватит глупостей! Речь об Эликеме Ганьо! О человеке, на чьей веранде мы сидим, в чьем магазине я работаю. О человеке, чья мать подарила тебе электрическую швейную машинку. Неважно, знает он тебя

или нет, он будет хорошо к тебе относиться. Ведь я твоя мама, разве я обреку свою дочь на страдания? Я желаю тебе лишь добра! – строго говорила она, назидательно помахивая указательным пальцем перед моим носом.

Я смотрела на маму во все глаза, удивленная ее эмоциональностью. За последние годы мы с ней стали больше подругами, нежели матерью и дочерью. Она делилась со мной всем на свете, а я делилась с ней почти всем. Поэтому сейчас ее строгость и властный жест вызвали во мне раздражение и даже обиду. Я встала и прислонилась к колонне в углу веранды, скрестив руки на груди.

– Ма, ведь я его не знаю. Вдруг он мне не понравится?

Она тяжело вздохнула и поймала мой взгляд.

– Афи, не забывайся. Ты не героиня романа. Настоящая жизнь не похожа на мыльные оперы, которые вы с Мавуси смотрите. Ты с ним познакомишься, и он тебе понравится. Так все обычно и происходит. Если не веришь мне, спроси всякую замужнюю женщину. Спроси, любила ли она своего мужа до свадьбы или даже любит ли сейчас. – Мама тяжело поднялась, словно несла на плечах мешок овощей. – Хочешь сказать, мы люди неблагодарные? Разве мы глупые? Вовсе нет! И не забывай: никому ничего не говори, пока дело не решится окончательно. Не все, кто нам улыбается, желают нам добра.

Затем она ушла в дом, скинув шлепки у порога. А я еще долго сидела на перилах, глубоко погружившись в мысли. Предложение руки и сердца разразилось как гром среди ясного неба. Всего четыре месяца назад мой парень вдруг решил, что одной женщины ему недостаточно, а я не собиралась мириться с другой. Честно говоря, даже не измена меня оттолкнула: он мне не настолько нравился, чтобы об этом переживать. Однако его вторая девушка пригрозила прийти ко мне домой и закатить скандал, если я не оставлю ее возлюбленного в покое, хотя я начала встречаться с этим придурком задолго до нее. А мне совсем не хотелось, чтобы из-за какой-то дуры мама узнала о моих отношениях с мужчиной.

Я рассказываю ей все, за исключением личной жизни – она наверняка не одобрит. Хотя мне уже было двадцать один, мама сочла бы недостойным открыто заводить романтические отношения без уверенности в дальнейшем

браке. Она не такая, как Даави Кристи, которая не раз приглашала на обед парня Мавуси, Йао. Мама старомодная, и членство в «Женской гильдии» только усугубляло ситуацию: ее заботило мнение подруг. Она так и не узнала о Майкле (по крайней мере, я надеюсь), о мужчине, с которым я встречалась с шестнадцати лет.

Ему было двадцать четыре, когда мы познакомились в Кпандо. Я впервые уехала далеко от дома, да еще в школу-интернат. Накануне его назначили бухгалтером в местный центр здоровья. Он не был первым мужчиной, ухаживавшим за мной, далеко не первым, однако он не походил на тех дурачков, которые повсюду за мной таскались и сочиняли глупые стишки о моих ягодицах. Разница в возрасте меня не тревожила. Нередко девушки моих лет, особенно в интернате, вдали от родительского надзора, встречались со взрослыми мужчинами, которые приезжали в школу по выходным и выдавали себя за дядей или старших братьев своих возлюбленных. Уж лучше так, чем встречаться с учителями, тем более с практикантами, неустанно преследовавшими нас с обещаниями хороших оценок. В общем, я быстро влюбилась в Майкла и с нетерпением ждала его визитов.

В выпускном классе я осмелела и начала после отбоя перелезать через школьный забор, ночевала у него и возвращалась утром вместе с потоком местных учеников. Майкл был очень щедрым. Без него в школе жилось бы гораздо тяжелее. Он пополнял мои скудные запасы продуктов, которыми снабжала меня мама, так что даже в последний день семестра в закромах еще оставалось сухое молоко, «Майло»^{[13} - «Майло» - солодовый порошковый продукт со вкусом шоколада, который разбавляют водой или молоком. Производится компанией «Нестле»], кукурузные хлопья и печенье. Я порвала с ним после выпуска, когда провалила экзамены по математике, физике и химии, причем дважды, что поставило крест на поступлении в государственный университет. Мои неудачи в учебе негативно отразились на наших отношениях.

Однако, сидя в тот вечер в одиночестве на перилах, я понимала, что брак с Эли будет кардинально отличаться от отношений с Майклом: школьный бойфренд не идет ни в какое сравнение с мужем. Особенно меня тревожил элемент договоренности. Пусть я мало знала о таких союзах, но уже не хотела подобного для себя. Мне не знакома ни одна молодая женщина, которая вышла замуж таким образом. Даже мои родители поженились без постороннего вмешательства. Мысль связать судьбу с едва знакомым человеком, пусть даже и с самим Эликемом Ганьо, меня ужасала. Как я впишусь в его роскошную жизнь? Что у меня может быть общего с таким человеком? О чем нам говорить? Как

общаться с его семьей и богатыми друзьями? Каково раздеваться перед ним, чувствовать его?

Когда я сидела там на веранде, отмахиваясь от комаров, что кусали меня за ноги, в голову лезли сотни негативных вариантов развития событий. Однако затем появились и положительные: возможно, я его полюблю, а он полюбит меня. Мы заведем детей, и у нас будет дом, подобный тому, в котором я провела раннее детство. Мы позаботимся о маме и вернем ей жизнь, какая у нее была с папой. У меня будет все, о чем многие женщины в Хо даже мечтать не смеют: своя школа модельеров и настоящий бутик.

Вдобавок ко всему я смогу отплатить тетушке за все, что она для нас сделала. Например, подарила мне новую электрическую швейную машинку на выпускной из мастерской сестры Лиззи и даже пришла на празднование. Мама, тети и двоюродные сестры обсыпали меня мукой с головы до ног, так что я походила на неаккуратного пекаря, и образовали процессию с пением и размахиванием белыми платками, которая следовала за мной от мастерской до нашего дома, где мама приготовила угощения и напитки. Тетушка обещала подарить мне машинки для оверлока и для изготовления пуговиц, когда я открою киоск. У меня слезы выступили на глазах. Сколько людей готовы на подобное для тех, с кем даже не связаны родством?

Наконец я оторвалась от перил и последовала за мамой. С моей стороны бессовестно сомневаться в тетушке: думать, будто она способна мне навредить, и ставить себя выше ее, выше своей мамы. Разве можно упустить шанс дать лучшую жизнь маме, столько выстрадавшей?

Свадьба состоялась через три месяца после того разговора на веранде. А теперь, похоже, меня звали Афи Ганьо.

Глава третья

Я даже не знала, чего ожидать, когда водитель вез нас с мамой в Аккру. Мне не сообщили заранее, где я буду жить и как в мою жизнь впишутся Эли и та женщина.

– Наверняка тебя поселят в его доме, – уверенно заявила вчера Мавуси.

Мы обсуждали этот вопрос почти весь вечер, когда я зашла попрощаться с той Пайесом. Мы сидели на табуретках в углу кухни, подальше от жен и детей ее отца, которые разжигали огонь и начинали готовить ужин, а Мавуси перемалывала перец в чугунной ступке, удерживая ее ногами на полу. Сестра верила в настоящую любовь, поскольку гораздо чаще меня смотрела мыльные оперы и даже организовала клуб по обмену любовными романами в старших классах, когда мы обе считали, что Бог создал Йао, с которым она встречалась уже тогда, специально для нее. Мой брак – брак бедной девушки с богатым мужчиной, едва ей знакомым, – интереснее всякой теленовеллы или любовного романа.

– Ну, не на улицу же они тебя выкинут, – фыркнула позже мама, услышав о моих опасениях. Я лишь незаметно для нее закатила глаза.

Я временно расслабилась только в Аккре, когда мы въехали в высокие металлические ворота, охраняемые двумя людьми в форме, и остановилась на парковке перед восьмиэтажным домом. Я раскрыла рот от восхищения при виде белого строения с раздвижными окнами и дверями на каждом этаже, отчего здание буквально сияло. На балконах первого этажа виднелась красиво расставленная садовая мебель и растения в горшках. На парковке стояли ряды сверкающих иномарок. За зданием гудел генератор. Двое мужчин поливали газон такого сочного цвета, что можно было легко усомниться в его естественности. Посаженные на идеально равном расстоянии друг от друга молодые пальмы походили на несущих караул солдат в замысловатых головных уборах; их листья шелестели на ветерке.

– Добро пожаловать, мадам, – прозвучал незнакомый голос, выводя меня из транса. Захлопнув наконец рот, я перевела взгляд на юношу в коричнево-желтой форме.

– Спасибо, – пробормотала я сконфуженно и, вспомнив про маму, повернулась. Она высунула голову из окна, чтобы получше разглядеть здание. Я вышла из машины. Водитель уже доставал наши вещи из багажника, а рядом стоял помощник, готовый их подхватить. Повесив сумочку на плечо, я направилась им на выручку.

– Ох, что вы, мадам! – воскликнул мужчина и схватил ближайший от меня чемодан.

– Он сам все отнесет, – объяснил мне водитель.

Помощник энергично закивал и потянулся за вторым чемоданом. Я отступила.

– Мы будем жить здесь? – спросила мама мужчину, к которому все, кроме Ганьо, обращались как «водитель».

На самом деле водителя звали Чарльзом, и его семья жила менее чем в десяти минутах ходьбы от нашего дома в Хо. Он кивнул, сдерживая улыбку, словно его забавляла наша реакция на здание. Вероятно, сам он бывал тут множество раз. Кроме того, в Хо он большую часть дня проводил в доме тетушки, тоже весьма впечатляющем.

– Он вас отведет. – Чарльз указал на помощника, который покатил один из чемоданов к зданию, балансируя другой на голове.

Вскоре появился второй мужчина и взял третий чемодан.

– Разве вы не пойдете с нами? – спросила я Чарльза, внезапно встревожившись. Неужели он оставит нас здесь одних?

– Мне нужно вернуться, тетушка ждет. К вам сейчас подъедет фо Ричард.

Он опустил последнюю сумку на тротуар, который тянулся по периметру здания.

– Ох, ладно, спасибо, – пробормотала я, когда он закрыл багажник.

– Да пребудет с вами Бог, – попрощалась мама.

– Всего хорошего, – ответил водитель.

Не успела машина Чарльза скрыться из виду, как в ворота заехал белый «Рендж Ровер» Ричарда, младшего брата Эли, и припарковался на освободившемся

месте.

– Mia woezor![14 - Добро пожаловать (эве).] – приветствовал нас Ричард, широко раскидывая руки в стороны. На нем были темные джинсы, белые кожаные мокасины, которые, казалось, на ощупь будут как кожа младенца, и чересчур тесная рубашка поло, подчеркивающая все, что не надо, включая бесстыдно выпирающий пупок. Он обнял маму, затем меня.

– Как добрались? – спросил он, поднимая мамину дорожную сумку.

– Ох, что вы, оставьте, фо Ричард, – запротестовала та, слишком взволнованная, чтобы ответить на вопрос.

– Позвольте я донесу, – возразил он и направился к зданию.

Мы последовали за ним. Мама повернулась ко мне и одними губами произнесла: «А?» Как и я, она была глубоко потрясена всем происходящим, в том числе Ричардом Ганьо, таскающим наши сумки. Я расплылась в широкой улыбке и взяла ее под руку.

Когда мы вошли в фойе, девушка за изогнутой стойкой поднялась и приветствовала Ричарда. Судя по его ответу, он часто здесь бывал. Затем он направился к серебристым дверям и нажал на кнопку рядом. У меня екнуло в груди: я никогда прежде не каталась на лифте, поэтому боялась опозориться перед Ричардом и этой улыбчивой девушкой, которая, вероятно, про себя посмеялась над нашей неловкостью. Скорее всего, персонал активно обсуждал мой приезд. Когда двери лифта открылись, Ричард вошел, а я взяла маму под руку и потянула внутрь. Мы обе схватились за железный поручень на стене на уровне бедер, ожидая тряски. Напротив нас висело зеркало, и я окинула взглядом наше отражение. Мои накладные волосы были собраны в хвост. Не зная заранее, куда мы приедем и кто нас встретит, я решила надеть простое плиссированное платье, сшитое из ткани, расписанной батиком, которую подарила мне мама на прошлое Рождество, и сандалии на плоской подошве с искусственными кристаллами, – они лежали в одном из чемоданов от Ганьо. На маме были ее лучшие каба и слит, а также парик со свадьбы. Когда раздался перезвон, оповещающий о прибытии, я поймала взгляд Ричарда в зеркале, и мы улыбнулись: я – потому что впервые успешно проехала в лифте, и он, полагаю, радовался возможности показать мне мой новый дом.

– Пока ты будешь жить здесь, – сообщил он, когда мы вошли в прохладный холл на пятом этаже с нежно-розовыми стенами и огромными картинами маслом, на которых мужчины в традиционных широких рубахах батакари и кожаных сапогах до колен стучали по барабанам и кружились так, что их наряды вздувались. В углах стояли черные подставки из кованого железа с пустыми глиняными вазами, расписанными позолотой. Два больших окна на обоих концах помещения выходили на оживленную дорогу, однако не пропускали шум. На этаже находились три квартиры. На ближайшей от нас висело медное число «пятнадцать». Ричард открыл дверь, и мы последовали за ним внутрь.

Ноги сразу утонули в мягком ковре кремового цвета. От неожиданности мы с мамой замерли в проходе, не понимая, куда попали: в роскошный отель или в мой новый дом? Ярко освещенный коридор вел в гостиную, столовую и кухню. Последняя находилась слева – с фурнитурой из нержавеющей стали: холодильником, плитой, вытяжкой и посудомоечной машинкой. На островке с мраморной столешницей стояли серебристый тостер и электрический чайник, а темно-коричневые шкафы сочетались по цвету с плиткой на полу. Между кухней и гостиной располагалась столовая зона, ограниченная спинкой дивана с одной стороны и высокими стульями, приставленными к островку, с другой. Посередине располагался стол со стеклом и коричневыми ножками, по цвету сочетающимися со стульями, а также кухонными шкафами. Вся мебель выглядела современно и изысканно. На журнальном столике лежали книги, сложенные в форме пирамидки, а на белой стене висел плазменный телевизор без видимых проводов. За гостиной находился коридор, ведущий в спальню и уборную.

Ричард раскинул руки, словно пытаясь обнять комнату, и спросил:

– Ну как, нравится?

Я закивала – что за вопрос! – а мама усмехнулась.

– На такой кухне не сваришь акпле и не взобьешь фуфу[15 - Фуфу – блюдо ганской кухни. Вареные крахмалистые корнеплоды, ямс или кассаву толкут в ступе до получения плотной тестообразной субстанции, которую скатывают в шар и подают с супами или соусами.], – заметила она, проводя рукой по сияющей столешнице островка.

– Ну почему же, акпле спокойно готовят на плите. А внизу есть кухня для взбивания фуфу в ступе. Или можно воспользоваться специальной машинкой, которая лежит в шкафчике под раковиной, – сказал Ричард из другого угла комнаты, клацая по белой панели на стене. Тут из вентиляционного отверстия над ним ударила струя прохладного воздуха.

– Даже пальмовый суп не приготовишь, – продолжила мама, словно Ричард и рта не раскрывал. – Вообще, на такой плите ничего не пожаришь, масло тут же все заляпает. Представляешь? – Она повернулась ко мне.

– Эта плита такая же, как любая другая, Афино, просто нужно ее протирать начисто после каждой готовки, – уверил ее Ричард, затем схватил мой чемодан и потащил по короткому коридору. – Идемте, покажу остальное.

В квартире находились еще три комнаты: одна гостевая и две с прилегающими ванными. Мы занесли вещи в самую большую спальню, обставленную довольно скупой, на мой взгляд. Позже я выяснила, что в спальне не так уж нужны комод, шкаф, обувница и прочие предметы интерьера, к которым я привыкла. На белоснежных стенах четко выделялись две коричневые двери, одна вела в гардероб, способный вместить целую кровать, а другая – в белую ванную комнату с джакузи и душевой кабинкой со стеклянными дверьми.

– А где вещи фо Эли? – спросила я, открыв шкаф и не обнаружив ни одного клочка ткани. В квартире явно никто не жил.

– Здесь он ничего не хранит. Ты же знаешь, в Аккре у него несколько домов, – быстро проговорил мой шурин, словно готовился к этому вопросу.

– И в каком доме он хранит свои вещи?

– В нескольких. Уверен, скоро и сюда что-то привезет. – Ричард вернулся в коридор.

– Но... – начала я, однако мама ущипнула меня за руку, заставляя замолчать.

– Не страшно, – громко сказала она, чтобы Ричард услышал. – Разве плохо владеть несколькими местами, где можно прилечь? Это скорее даже знак

Божьего благословения.

Затем она грозно взглянула на меня. Очевидно, тему развивать не стоило.

Квартиру к нашему приезду подготовили: холодильник забили всем, что можно вообразить, застелили кровати, развесили полотенца на крючках, полили растения в горшках на балконе.

- Кто все это сделал? - спросила я Ричарда, пока он ждал лифт.

- В здании есть специальные люди. Вы их увидите.

Я кивнула. Что за люди? Работают ли они здесь постоянно? Поливают цветы и покупают рыбу людям, которых никогда не встречали? Они и дальше будут все делать или нам надо самим ходить на рынок? А где он и как до него добраться?

Словно прочитав мои мысли, Ричард сказал:

- В конце недели я пришлю водителя, который отвезет вас за покупками. - Затем он протянул мне хрустящую пачку банкнот. - Купишь все, что захочешь.

Я неуверенно потянулась за деньгами. Подарки от Ганьо обычно поступали мне через маму.

- Спасибо.

Я привезла с собой все сбережения, спрятав их в сумочке, и думала, как быть, когда деньги закончатся. Теперь Ричард давал мне целую пачку наличных. Интересно, на месяц? Хотелось знать, сколько и как часто будут давать денег, чтобы правильно распланировать бюджет. Однако я не стала тратить время на эти вопросы, а вновь спросила о муже, пользуясь маминым отсутствием.

- Он вернется на следующей неделе, - ответил Ричард.

- И приедет ко мне?

- Э-э, в некотором роде... Посмотрим. Пока отдыхай.

Он вошел в лифт и, обернувшись, широко улыбнулся. Я еще долго стояла перед серебристыми дверями. Опасения вновь затмили радость, как в день свадьбы. Вот бы Ганьо перестали секретничать, ограничиваясь крупными порциями информации, и наконец в подробностях объяснили мне происходящее. Мама, вероятно, не согласилась бы со мной, но, по-моему, им следовало заранее сообщить мне, что меня поселят отдельно от мужа. А вообще, он должен был сам мне все объяснить - в конце концов, я теперь его жена. Но нет, меня засунули в эту квартиру и вручили карманные деньги, как школьнице. И что теперь прикажете делать? Сидеть на месте, сложив ручки, и ждать у моря погоды?

Мама рассердилась на меня, когда я поделилась с ней недовольством. Назвала меня неблагодарной и заявила, что не понимает, зачем я хочу все знать.

- Эликем Ганьо - твой муж. Разве этого не достаточно?

Раздраженная, я ушла в свою комнату и позвонила Мавуси.

- Не представляю, чтобы я вышла замуж и не жила с мужем в одном доме! По-моему, надо расспросить Ричарда, когда он придет в следующий раз, - встревожилась сестра.

- Сказала же, он ничего не объясняет, только юлит.

- Говори с ним твердо, и он поймет, как серьезно ты настроена. Пусть уяснят, что ты не какая-то девочка, которой можно помыкать.

- Ага, звучит все просто. Но вдруг тетушка разозлится, если узнает о моих расспросах? Что тогда?

- Хм-м...

- А я не пытаюсь устроить скандал, просто хочу разобраться. Как мне стать хорошей женой, если рядом нет мужа?

Мы с мамой постепенно привыкли к новому распорядку дня: ранний подъем не позднее шести, затем чистка и уборка каждого уголка в квартире. Я прогнала горничных, которые заявили на следующее утро после нашего приезда.

– Мы убираем все квартиры, мадам, – объяснила одна из них, но я оставалась непреклонной. У нас никогда не водилось слуг, даже при отце. Мне просто неуютно с чужими людьми. Кроме того, мы и сами справлялись.

– Может, Ганьо тебя проверяют, – сказала мама, волоча швабру по кухонному полу, в то время как я протирала окна синим раствором, который взяла у уборщиц.

– В смысле?

– Ну, хотят поглядеть, какая из тебя жена. Станешь ли сидеть, сложив ручки, пока другие за тобой ухаживают.

– Хм-м. – Я задумалась на мгновение. – Но ведь тетушка меня уже знает. Кроме того, проверять следовало до свадьбы, теперь-то какой толк?

– Молодая ты еще, чтоб понимать такие вещи. – Мама неодобрительно покачала головой – этот жест, вкупе с опущенными уголками губ, предвещал очередную порцию нотации.

За несколько дней до свадьбы Ричард навещал нас в Хо, и мы с мамой попросили его рассказать о той женщине. Он сообщил, что Эли с ней познакомился, когда впервые поехал в Либерию. Он недавно окончил университет, факультет философии (не по собственному выбору), и его старший брат Фред, работавший в то время национальным секретарем правящей партии, отправил его на цементный завод, который он открыл с группой инвесторов.

– Ты станешь там моими глазами и ушами, – сказал Фред брату, провожая его в аэропорт.

Ему сняли квартиру в столице, в Монровии, и назначили служебную машину. Эли с радостью взялся за работу: далеко не каждый выпускник без опыта получает

такую возможность. Ему потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть к особенностям страны: к другому акценту, к потреблению в пищу листьев, которые он считал несъедобными, к полуразрушенным зданиям, изрешеченным пулями и заросшим мхом из-за многолетней войны и проливных дождей; к толпам безработной молодежи с ожесточенными лицами, которые терзались мыслями о тяжелом прошлом и безнадежном будущем. Эли сопереживал людям и их вынужденной суровой жизни. Однако работа ему быстро разонравилась: он должен был заглядывать работникам через плечо и докладывать обо всем в Гану, что не вызывало симпатии к нему у коллег. Неприятно, когда при твоём появлении люди мрачнеют и сгибаются над столами. К тому же он чувствовал, что способен на большее.

Эли внимательно изучал окружение и прислушивался к разговорам новых друзей. Из полученной информации он извлек вывод, что в Либерии множество возможностей заработать. Войны разрушили страну, а значит, теперь ее нужно создавать заново. Требовалось строить дороги, реконструировать школы, возвращать электричество, импортировать детские подгузники и инвалидные коляски, бурить нефтяные скважины и добывать золото. И все это возлагалось на плечи богачей, у которых имелись деньги для финансирования новых предприятий и пополнения банковских счетов государственных чиновников, которые выдавали лицензии, разрешения и выбирали тех, кому выделить гранты.

В этом-то хаосе Эли и нашел место для себя. Он знал людей при деньгах и не сомневался в своей способности поставить бизнес на ноги – именно он вместе с братьями помог матери превратить ее маленькую пекарню с единственной печью в широкую сеть; успех можно повторить и в Либерии. Он поделился своими идеями с Фредом. Сперва тот сомневался, боясь потерпеть убытки на цементном заводе, однако вскоре брат убедил его, что они заработают в десять раз больше, если вложатся в различные предприятия.

Месяц спустя Фред отправил в Либерию Ричарда, который в то время еще не определился с родом занятий, вручил ему номер банковского счета и велел помочь Эли с организацией новой ветви семейного бизнеса. Именно когда братья во внерабочее время ходили по чиновникам и присматривали земли для строительства, Эли и познакомился со своей либерийкой – она работала секретарем у оптового торговца скобяными изделиями, который послал ее на стройку доставить счет. Ричард присутствовал при их первой встрече и не обратил на нее особого внимания. Она совсем не походила на женщин, с

которыми Эли дружил прежде. Когда Ричард позже заметил ее в машине Эли, а две недели спустя встретил в их общей квартире посреди ночи, он расспросил о ней брата.

- Она моя девушка, - ответил тот.

- Девушка?

- Именно.

- Хм!

Ричард сильно удивился, не понимая, как такое могло произойти. Женщина была высокой, почти одного роста с Эли, и крепкой: с выпирающими при движении бицепсами и надутыми икрами, как у профессионального бегуна. Между крошечными грудями пролегла глубокая ложбина, а ягодички были плоскими, как лист фанеры. Бедра тоже не цепляли взгляда. Лицо, единственная мягкая часть тела, ничем особенно не выделялось, а кожа по цвету походила на крепкий кофе. Она заплетала длинные волосы в косички и носила наряды, подчеркивающие мужскую фигуру.

- По правде говоря, не понимаю, что брат в ней нашел, - признался Ричард нам с мамой. - Его университетская девушка походила на тебя, Афи: милое личико, светлая кожа и объемы в нужных местах.

Мама покачала головой, ужасаясь тому, что такой мужчина, как Эли, мог попасться на крючок подобной девицы. Я же сложила руки на коленях в тщетной попытке прикрыть нижнюю часть тела - мне стало некомфортно от мысли, что Ричард и, вероятно, остальная семья Эли оценили мои физические данные.

- Ко всему прочему, она еще и курит! Теперь от моего брата пахнет пепельницей, - добавил Ричард.

- Курит! Женщина! - Глаза мамы расширились от недоверия.

- А еще пьет крепкий алкоголь - почище любого пьяницы.

– Матерь Божья! – воскликнула мама и вскочила на ноги, не в силах сдержать волнения. – Впрочем, неудивительно. – Она медленно покачала головой.

– Верно, дорогая Афино, неудивительно, что она производит на свет больных детей, – угрюмо согласился Ричард.

Однако не внешность женщины и даже не пристрастие к табаку и алкоголю вызывали неприятие со стороны семьи Эли, а то, как она к ним относилась. Еще в самом начале, будучи простой секретаршей, она не проявляла никакого уважения к семье. Когда Ричард впервые столкнулся с ней в квартире посреди ночи, она проскользнула мимо него, не поздоровавшись и не извинившись за вторжение. И позже никогда не заговаривала с ним первой, а когда он к ней обращался, отвечала сквозь стиснутые зубы. По дому она разгуливала так, словно он ей принадлежал, даже в отсутствие Эли. Когда Ричард наконец осознал, насколько далеко зашли их отношения, и поделился опасениями с семьей, было уже поздно: Эли снял отдельный дом для своей подружки и переехал к ней. А когда в Либерию примчался Фред, чтобы его образумить, женщина объявила о своей беременности: спустя всего полтора месяца отношений с богатым мужчиной.

Я заскучала уже на третий день после прибытия в Аккру. Мне не хватало привычной работы – шитья на веранде, и я представляла, сколько заказов успела бы выполнить за прошедшее время. Мне не хватало моих клиентов, которые обычно сидели рядом и занимали меня болтовней, пока я заканчивала их наряды; не хватало также друзей и соседей, которые останавливались по пути, чтобы поздороваться и обсудить предстоящие похороны, церковные мероприятия и прочие интересные события в городе. В Аккре же рядом не было никого, за исключением охранников у ворот и мамы, которая пристрастилась к телевизору и говорила только о том, как мне себя вести с мужем и его семьей. Я вспоминала типичные посиделки у дома тоги Пайеса: старшие двоюродные братья и сестры что-то бурно обсуждали или спорили, младшие игнорировали материнские оклики, не желая бросать игры на улице и возвращаться домой. Я скучала по суете, по тому месту, где все вокруг простое и родное, где любое дело – общественное мероприятие, где девчонки почти каждый вечер ходят в центр, чтобы купить пшеничную кашу у женщин, готовящих ее в котлах прямо перед нами, а также продающих сахар, молоко и арахис. Даже прогулка на свалку, чтобы выбросить мусор, сопровождается у нас общением. А в моем новом доме на каждом этаже находился мусоропровод, в который домработницы

бросают мусорные мешки. Я сразу взяла эту обязанность на себя.

Я не стала делиться переживаниями с мамой – она наверняка опять назовет меня неблагодарной и велит не жаловаться, поэтому я страдала молча. Дни немного оживляли ежедневные звонки Мавуси, которая готовилась уехать на семестр за границу в Кот-д’Ивуар для изучения французского.

Наконец в пятницу Ричард, как и обещал, прислал водителя, который отвез нас с мамой на рынок и в супермаркет. Мы с мамой пришли в восторг от ассортимента товаров, да и цены не оставили равнодушными! Вообще-то, цены маму расстроили, и она решила, что будет отправлять мне продукты из Хо, когда вернется.

К моему приятному удивлению, водитель по имени Менса не уехал, высадив нас у дома.

– Фо Ричард назначил меня вашим личным водителем. Я буду здесь каждый день, – сообщил он, занеся в квартиру пакеты с продуктами.

Я молча кивнула, стараясь не выдать своей радости, и посмотрела на серебристую «Тойоту Камри» новейшей модели совсем другим взглядом.

«Афи, теперь это машина твоя», – сказала я себе. Формально машина моей не была: разумеется, Ричард мне ее одолжил, но какая разница? Она отвезет меня, куда я захочу, подождет столько, сколько потребует, и вернет домой. Оставалось лишь решить, куда поехать.

– Я в город, – сообщила я маме на следующее утро.

– Куда? Зачем? – удивилась та.

– Хочу посмотреть торговый центр Аккры.

– И что там интересного? А если твой муж придет, когда тебя не будет дома? Сейчас не время бегать по Аккре.

– Ах, ма! Если фо Эли так и не появился, с чего он появится именно сегодня утром? Не могу же я просто сидеть и ждать.

– Почему не можешь? У тебя есть все необходимое. Оглянись! А вдруг позвонит тетушка, что я ей скажу?

– Скажешь, что я поехала в торговый центр. В конце концов, ведь не в ночной клуб я еду, а в обычный торговый центр! До него ехать полчаса от силы.

– Ладно, тогда я поеду с тобой.

Я громко вздохнула, вызвав тем самым ее колючий взгляд; она сменила домашний наряд на парадный, затем мы сели в машину и двинулись в путь.

Мавуси много рассказывала мне о торговом центре Аккры, однако сама я посетила его впервые. Когда мы с мамой ездили в столицу за свадебными покупками, она повела меня на огромный рынок Макола, где люди, прилавки, транспортные средства и мусор находятся в постоянной битве за превосходство, а сверху одобрительно улыбается палящее солнце. Однако торговый центр разительно отличался от рынка. Все вокруг словно сияло, и хотя народу здесь тоже хватало, кондиционеры значительно упрощали шопинг. Я с восхищением разглядывала наряды и ткани в витринах, однако так и не решилась ничего купить – меня отпугивали цены.

– Хочешь взять? – спросила мама, когда я замерла у манекена, задрапированного в ткань с узором из павлиньих перьев. Из двух с половиной ярдов получилось бы потрясающее вечернее платье.

– Нет, – ответила я, не отрывая взгляда от манекена.

Тратиться нужно с осторожностью: неизвестно, когда мне снова дадут денег, а оставаться с пустым кошельком опасно. В Хо при необходимости можно одолжить деньги или продукты у соседей или у родственников, а в Аккре идти не к кому. Кроме того, мне еще предстояло разобрать одежду из четырех больших чемоданов, подаренных на свадьбу. Разумеется, ничто не мешало мне воображать себя владелицей магазинчика в торговом центре.

На следующий день сразу после завтрака я отправилась изучать окрестности. Наше здание располагалось на спокойной улочке по соседству с парой двухэтажных офисных зданий и частными домами, спрятанными за высокими заборами с колючей проволокой под напряжением. На небольших клочках земли между домами и дорогой росли цветы и газон, а из-за заборов выглядывали ветви акаций. Дорожное движение утром было весьма суматошным, поэтому мне приходилось соблюдать особую осторожность и либо плотно прижиматься к обочине, либо идти по канаве – тротуаров не было. Однако я ни о чем не переживала и наслаждалась окружающей меня красотой. Ничего подобного не увидишь в Хо, даже у резиденции местного министра, куда мы приходили детьми, чтобы поглядеть через забор на павлинов, важно расхаживающих по саду.

Вскоре дорога уперлась в другую, более широкую. Там располагались бутики, банки, магазинчики, торгующие всем, чем только можно – от молока до строительных материалов, – а также несколько домов более скромных, чем на нашей улице. Из-за лежащих полицейских машины ездили довольно тихо, однако в большем количестве. Чуть дальше расположился маленький рынок, где женщины продавали овощи, рыбу и крупы по ценам, от которых люди в Хо пустили бы слезу или зашлись в смехе – в зависимости от того, покупали они сами или узнали о моих покупках.

– Цены такие, потому что район для богатых, – объяснил мне один из наших охранников, прыщавый юноша на вид моложе меня. Он носил свою униформу с гордостью, но часто говорил о том, как в будущем поменяет ее на нечто получше.

Выходя из дома или возвращаясь после прогулок по городу, я часто останавливалась у будки охраны, чтобы поболтать с дежурными. Поначалу они настороженно относились к богатой жительнице, однако уже через пару дней охотно рассказывали даже то, о чем их не спрашивали. Всего их было шестеро: четверо мужчин и две женщины, они сменялись в течение дня. К счастью, в дневную смену обычно дежурили женщины, поэтому с ними я общалась чаще. Почти все они приехали из соседних деревень и работали в охранной фирме, принадлежащей шурина Фреда. На третий день общения с женщинами одна из них, Савьер, спросила меня, какой отбеливающий крем для лица я использую.

– Я тоже такой куплю, – сказала она, любуясь мной, словно картинкой в журнале.

– Никакой, это мой естественный цвет.

Она нахмурилась, явно мне не веря.

– Или вы таблетки принимаете?

– Нет.

Я отнеслась к ее вопросам равнодушно: меня вообще постоянно об этом спрашивали. Она сменила тему и поведала, что здание принадлежит Фреду. Меблированные квартиры сдавались в основном иностранным специалистам за тысячи долларов в месяц. Я уже замечала, как они уезжают на работу на своих иномарках – многие с водителями. Как раз в то утро одна из арендаторов кивнула мне из окна, несколько меня удивив.

У Савьер и ее напарницы Люси был неиссякаемый запас историй о «Королевском дворе» – название комплекса обозначалось золотыми буквами на черной табличке на заборе, которую я сразу не заметила. Девушки любили посплетничать о местных. Они показали мне госслужащих, которые чудесным образом могли позволить себе эти квартиры на скудные государственные зарплаты. Показали белых стариков, часто приводивших домой девушек, годящихся им во внучки, и тех, кто приводил парней, а также показали иностранок, которых навещала целая вереница местных мужчин. Однако больше всего моих новых знакомых возмущали женатые ганцы, снимающие квартиры для своих девушек и бегающие между двумя домами. За несколько месяцев до моего приезда разразился бурный скандал: жена старшего банковского менеджера узнала о его любовнице, живущей в «Королевском дворе», и примчалась с двумя друзьями, обманным путем проникла на территорию и ворвалась в квартиру любовницы.

– Они бы ее прикончили, если бы мы не услышали крики и не бросились вверх. – Савьер расхохоталась.

– Чего смеешься? Нас чуть не уволили! Мы сохранили место лишь по милости Божьей, – упрекнула ее Люси, явно встревоженная.

Савьер вернулась к рассказу:

– Она жила в четырнадцатой квартире, рядом с вашей. Повезло, что балконная дверь была открыта, иначе никто бы не услышал криков. Бедняжка уехала в тот же день. Даже не уехала, а уползла – ее успели знатно потрепать!

Я содрогнулась, представив женщину, с трудом покидающую комплекс, и спросила:

– Значит, квартира сейчас пустует?

– Нет, вскоре туда вселилась девушка фо Ричарда.

– Ричарда? Ганьо?

– Ага.

Ричард не упоминал о своей девушке, живущей со мной по соседству. Мне не терпелось узнать подробности, но было глупо выпрашивать этих двоих: кто знает, что они доложат той девушке или даже Ричарду?

– Ее зовут Эвелин, – бросила Савьер мне вдогонку.

– Хочу пойти в школу модельеров, – сообщила я маме однажды вечером во время рекламной паузы в телешоу, которое мы смотрели.

– Сейчас? – недовольно нахмурилась та.

Меня удивила ее реакция: маму всегда заботило мое образование. Пусть она не признавалась, но я знала, как ее огорчили мои проваленные экзамены. Она не раз сетовала на то, что ей следовало покупать больше книг и взять репетиторов по предметам, которые мне не давались. Когда я провалилась во второй раз, она предложила занять денег у тетушки, чтобы отправить меня в один из частных университетов, которые росли, как грибы после дождя. Однако я отказалась: провалы подорвали мою уверенность в себе. Кроме того, я уже полюбила шитье и начала рассматривать карьеру в этой области. Теперь я мечтала о настоящей школе модельеров. Сестра Лиззи нас научила многому, но все же только

основам: как сшить прямое платье или со сборками и складками, с круглым, квадратным или V-образным горлышком; как сшить простую юбку, кофточку или стандартные кабу и слит. Нас не учили шить брюки, поскольку в Хо женщины почти их не заказывали, а те немногие, кто заказывали, обращались к портным. Нас не научили шить такие кабы, которые создавали портные из Того и Кот-д'Ивуара: без бретелек и с проволоками, продетыми сквозь ткань так, чтобы сформировать любую форму, мыслимую и немыслимую. Именно такую одежду хотела создавать я. Какую носят деловые женщины в популярных сериалах: платья со вшитыми перьями и бусинами или сочетающие кожаные и хлопковые ткани. И мама всегда одобряла мое желание продолжить обучение. Вот почему ее хмурый вид меня озадачил.

- Как можно скорее, - подтвердила я.

Она тяжело вздохнула и повернулась ко мне лицом.

- Ты только вышла замуж: посиди лучше дома с годик, позаботься о муже, узнай его поближе.

«О каком муже?» - хотела спросить я, но воздержалась, чтобы не разозлить маму еще больше, и лишь недовольно на нее уставилась.

- Не гляди на меня так! - Она вскинула руки. - Незачем спешить, школа никуда не денется. А новобрачной ты будешь один раз в жизни.

Продолжилось телешоу, и она вновь вперила взгляд в экран.

Я ушла в свою комнату. За несколько недель мама превратилась из друга в диктатора - неожиданное и удручающее изменение. И хотя она твердила, что желает мне только добра, у меня начало складываться ощущение, что ею руководит стремление не мое счастье устроить, а угодить Ганьо. Хорошо, что скоро она вернется в Хо. Несмотря на ее возражения, я намеревалась начать обучение, как только профессиональные училища откроют прием учеников. Нельзя же целыми днями торчать в квартире, ожидая, когда меня соизволит навестить дорогой супруг.

Мама отправилась спать, а я встала под входной дверью, подстерегая Эвелин. Заслышав лифт на нашем этаже, я выглянула в глазок. Женщина прошла так быстро, что я увидела ее только мельком: на ней был черный костюм с юбкой и туфли на каблуках, которыми наверняка и убить можно. В одной руке она держала нечто похожее на кейс для ноутбука, а в другой несла большую модную сумочку. Голову покрывали мягкие волнистые волосы, спускающиеся ниже плеч. Заскрежетал ключ в замке. Появился соблазн выйти и поздороваться с соседкой, но я его подавила. И о чем мне с такой женщиной говорить? Кроме того, Ричард нам о ней не рассказал – возможно, у него были на то причины. Не стоило нарываться на неприятности.

Одно я знала точно о своем шурине Ричарде: он не сдерживал желания поделиться историей. До сих пор помню, как гнев исказил его лицо, когда он говорил о страданиях, которые либерийка причинила его матери.

– Она что-то сделала с вашим братом, – жаловалась тетушка сыновьям, когда они наконец набрались смелости сообщить ей о переезде той женщины к Эли. Это случилось после ее сообщения о беременности. – Их связь противоестественна.

Фред хмыкнул в знак согласия, не находя иного объяснения: когда-то Эли представил старшему брату свою единственную девушку и ждал его одобрения, а теперь вдруг съехался с женщиной, которая не желала знаться с его семьей? Эли всегда был милым мальчиком. Средним братом, который после школы ходил с мамой на рынок, таскал покупки и никогда не жаловался. Мальчиком, который рыдал всякий раз, когда мама заболела, и который примчался из университета домой, чтобы навестить ее, когда она вывихнула лодыжку, поскользнувшись на мокрой плитке. Он был мужчиной, который советовался со своим старшим братом, прежде чем принять важное решение, и строго следил за младшим, склонным к безрассудству. Никто и никогда не мог представить его с подобной женщиной. За этим явно что-то стояло. Вероятно, она что-то с ним сделала, что-то такое, из-за чего он отвернулся от семьи и бездумно последовал за ней. Фред втихую порасспрашивал нужных людей и узнал о неких снадобьях, которые отчаянные женщины добавляют в еду мужчин, чтобы запудрить им мозги, после чего те забывают жен да родных детей и покупают дома с машинами для любовниц. Шаманы, во время войны дававшие повстанцам снадобья для непобедимости, теперь варили любовные эликсиры.

Однако Ричард придерживался иного мнения – не потому, что отрицал сверхъестественные силы, а потому, что благодаря кратким встречам с той женщиной разглядел в ней нечто, способное заманить его брата в сети. То, как она держалась: широкие плечи расправлены, а на лице такое выражение, будто она унюхала нечто тухлое. Никакое снадобье не вызовет такой самоуверенности – она исходила изнутри. И единственный человек, который мог объяснить ее поведение, лишь пытался ее защитить – или же спасти.

Эли уверял родных, что едва они узнают ту женщину получше, тотчас полюбят так же сильно, как и он. Однако ее враждебность росла пропорционально животу. При визитах Ричарда она корчила недовольную гримасу, а когда их навестила тетушка, в день ее приезда вернулась домой поздно ночью. У нее даже не было оправдания в виде работы – она уволилась почти сразу после встречи с Эли. Когда тетушка попросила познакомиться с ее семьей, эта женщина привела двух двоюродных братьев не больше двадцати лет от роду. Тетушка сразу же уехала, не желая терпеть подобного неуважения. Эли, разумеется, продолжал оправдывать свою пессию.

– Ей просто нужно к тебе привыкнуть, – заверял он маму по дороге в аэропорт. Та женщина осталась дома, сославшись на утреннюю тошноту.

– Как ты себя чувствуешь? – обеспокоенно спросила тетушка сына из-за внезапного страха, что больше его не увидит – что та женщина каким-то образом украдет у них Эли. Почти полночи до этого она провела на коленях, молясь Богу, чтобы он ослабил власть той женщины над ее сыном – власть, из-за которой она его едва узнавала.

– Все нормально, ма, – сказал Эли и расплылся в до боли родной и любимой улыбке. – Она хорошая женщина, вот увидишь.

– Как скажешь, – ответила тетушка, не пытаясь его образумить. Она уже осознала, что эту битву нужно вести в духовной плоскости, и молча вверила сына Богу, когда они расстались у входа в аэропорт.

– Все будет хорошо, – твердила она себе во время почти двухчасового перелета.

Увы, сколько бы она ни молилась, ничего не менялось. И тогда ей в голову пришли мысли обо мне.

Глава четвертая

В субботу к нам зашел Ричард, и я рассказала ему о намерении пойти в школу модельеров.

- Отличная мысль! - поддержал он. - Поговори с мужем, когда он приедет.

- А когда он приедет?

- Во вторник.

- В этот?

- Да.

- Приедет прямо к нам?

- Ах, Афи, говорю же, придет он, придет. - Ричард улыбнулся, словно разговаривал с назойливым, но дорогим сердцу ребенком.

Новость отодвинула мысли о школе в самый дальний уголок сознания. Наконец-то я точно знала, когда увижу мужа!.. Как же мне его встречать? Постучит ли он в дверь или откроет своим ключом? Нужно ли ехать в аэропорт? А надеть что? А приготовить?

- Кто заберет его из аэропорта?

- Не беспокойся, обо всем позаботятся.

- Что он ест?

- Эли без возражений съест все, что ты приготовишь.

- Но у него ведь есть любимое блюдо?

- Ну, он любит ямс. И всякие рагу.

- Ясно. Во сколько он приедет сюда?

- На этот счет не могу ничего сказать: у него всегда куча дел. Или ты куда-то собиралась во вторник?

- Нет, я буду дома.

- Никуда она не пойдет, будет сидеть на месте, - вмешалась мама. Я даже не слышала, когда она успела выйти из ванной: мягкие напольные покрытия бывают коварны.

Следующие несколько дней мы с мамой готовились к приезду Эли. Я мыла, скребла, подметала и вытирала, хотя ни в чем из этого не было особой надобности, квартира и так походила на картинку из журнала по интерьеру. Я сбегала на рынок рядом с нашим домом, где торговцы полагали, что богачи денег не считают, и купила два клубня ямса у разных продавцов. Второй на случай, если первый окажется горьким, и у разных, чтобы из другого урожая. Я разрывалась между рагу из паслёнов[16 - Паслён - разновидность баклажана, круглый и небольшой по форме.] или из листьев та?ро[17 - Та?ро (также кокоямс) - растение, распространенное в Африке. В пищу употребляют как клубни, так и листья.]. Первое - слишком обычное, хоть и всегда выходит вкусным. А второе легко испортить: стоит немного переварить, и получишь кастрюлю безвкусной зеленой жижи.

- Ну приготовь оба рагу! - не выдержала мама, которой надоело смотреть, как я мечусь между прилавками с паслёнами и таро.

Так я и поступила.

Жаль, от волнения не существовало столь простого средства. Меня чуть ли не трясло. Вечером понедельника, разговаривая с Мавуси, я с трудом держала себя

в руках.

- Ты сделала прическу? – спросила сестра.

- Она еще нормальная.

- Уверена? Ты помыла накладные волосы? Ведь они хуже афрокосичек, довольно быстро начинают пахнуть.

- Нет, не помыла, – ответила я, едва сдерживая слезы. А вдруг волосы начнут пушиться после мытья и понадобится куча специальных средств, которых у меня не было? С другой стороны, разве можно встречать мужа с вонючей головой!

- Поищи с утра пораньше салон и помой волосы.

- Я не знаю, во сколько он приедет! Вдруг утром?

- Тогда протри кожу головы спиртом.

- А если ему не нравятся женщины с накладными волосами?

- Ну, тут уж ничего не попишешь... Не беспокойся.

Ее слова меня несколько не успокоили. Повесив трубку, я представила, как либерийка обнимает Эли, кладя голову ему на грудь, а ее ароматные натуральные волосы щекочут ему подбородок.

Впервые о той женщине я услышала, учась в выпускном классе, когда она родила девочку, а тетушка и дядя Эли отправились в Либерию. Однако новоиспеченная мать не разрешила им совершить церемонию аутдоринга[18 - Аутдоринг (с англ. «outdooring») – традиционная церемония в Гане, проводимая над новорожденными на восьмой день жизни, когда ребенка впервые выносят на улицу, дают имя и совершают другие ритуалы, отличающиеся в разных регионах.] – мол, не нужно проводить над ее дитятею диких чужеземных ритуалов. Она заявила, что никакие подношения Богам или предкам не нужны, и она не позволит чужакам давать ее ребенку имя! Она закатила страшную

истерике, когда Эли попытался ее уговорить, поэтому, не желая расстраивать молодую мать, тетушка, вместе со старым дядей, вернулась в Аккру ближайшим рейсом. Бедный младенец, слабый здоровьем с самого появления на свет, умер два месяца спустя. На похороны приехали Фред с Ричардом. Только после этой трагедии Эли удалось убедить либерийку съездить в гости к его семье. Он надеялся, что она сумеет их полюбить или по крайней мере начнет уважать, познакомившись поближе. Я тогда жила в школе и узнала обо всем после возвращения. Маме тоже не довелось встретиться с либерийкой, но она слышала, как ее коллеги со склада шептались о странной женщине, которую привез Эли.

Она отказалась жить в тетушкином доме с шестью спальнями и потребовала от Эли снять номер в отеле. Днем она приходила в гости и сидела, надувшись как мышь на крупу, в углу, закрыв лицо солнцезащитными очками размером с боковые стекла автомобиля, пока к ней не подходил Эли, бросая всех, кто пришел с ним повидаться. Она отказалась пробовать тетушкину стряпню и каждый раз приносила с собой еду из отеля. Когда к ней обращались и в шутку заговаривали на эве, дружелюбное пожелание доброго утра – «di» – вызывало лишь ледяной взгляд, хотя Эли учил ее языку. Она также не стала носить ни один из трех традиционных нарядов, которые ей сшила сестра Лиззи по просьбе Эли. «Там, откуда я родом, только деревенские так одеваются», – заявила эта женщина тетушке, когда ее спросили, почему она надела узкие джинсы на фестиваль в честь сбора урожая ямса. Даже американские туристы знали, что нельзя приходить на празднование в джинсах.

Чашу терпения переполнил инцидент с Йайей: та недавно вернулась из Южной Африки и спешила повидаться с любимым братом после долгой разлуки и познакомиться с его девушкой, вот только либерийка не разделяла ее энтузиазма и выгнала из номера, желая вздремнуть. Эли умолял сестру остаться, однако она покинула отель в слезах и доложила о случившемся тетушке и Фреду. На следующее утро они вызвали Эли на семейный сбор и объявили, что так дальше продолжаться не может.

«Я ее брошу, – тут же пообещал он, не успев кто-то выдвинуть свои аргументы. – С меня хватит. Я ее брошу», – уныло повторил он, как студент, хорошо подготовившийся к экзамену, но не сумевший ответить ни на один вопрос. Тетушка крепко его обняла, счастливая оттого, что наконец-то избавится от тучи, витавшей над семьей уже два года.

Однако женщина не собиралась ослаблять свою хватку. Едва вернувшись в Либерию, она вновь объявила, что беременна, и Эли не сумел бросить ее в таком положении. Позже она произвела на свет еще одно больное дитя, тоже девочку, названную Айви, и отказалась от предложения тетушки помочь с новорожденной, хотя у нее самой явно получалось неважно. Отчаявшись, Эли настоял на возвращении в Гану, чтобы жить рядом с семьей и их бизнесом, который теперь приносил больший доход, нежели либерийские активы.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Кенте – ганская ткань высокого качества, из шелка и хлопка, с узорами в традиционном африканском стиле. (Здесь и далее прим. перев.)

2

Того – государство, граничащее с Ганой на востоке.

3

Акпле – гарнир ганской кухни из кукурузной муки, воды и соли. Обычно подается вместе с супами, в одной тарелке: его отщипывают руками и макают в жидкость.

4

Мама Афи.

5

«Женская гильдия» – исключительно женское объединение в рамках пресвитерианской церкви (направление протестантизма).

6

Каба и слит – традиционный ганский женский наряд, состоящий из кабы – облегающей кофточки с оборками на талии – и слита – длинной узкой юбки, расширяющейся от колена. Их шьют из одной ткани (обычно с яркими узорами), из-за чего наряд выглядит как платье.

7

«Добро пожаловать» на языке эве, распространенном в Гане. Официальным языком страны является английский.

8

Циами – так называемый «переводчик», представитель вождя, который общается с людьми вместо него.

9

Ахацей – традиционный музыкальный инструмент народа эве.

10

«Мальта Гиннесс» – популярный в Африке безалкогольный солодовый напиток, похожий на квас.

11

«Брат» – уважительное обращение как к братьям, так и ко всем мужчинам.

12

Кпандо – город на юго-востоке страны, рядом с озером Вольта и недалеко от государственной границы с Того.

13

«Майло» – солодовый порошковый продукт со вкусом шоколада, который разбавляют водой или молоком. Производится компанией «Нестле».

14

Добро пожаловать (эве).

15

Фуфу – блюдо ганской кухни. Вареные крахмалистые корнеплоды, ямс или кассаву толкут в ступе до получения плотной тестообразной субстанции, которую скатывают в шар и подают с супами или соусами.

16

Паслён – разновидность баклажана, круглый и небольшой по форме.

17

Та?ро (также кокоямс) – растение, распространенное в Африке. В пищу употребляют как клубни, так и листву.

18

Аутдоринг (с англ. «outdooring») – традиционная церемония в Гане, проводимая над новорожденными на восьмой день жизни, когда ребенка впервые выносят на улицу, дают имя и совершают другие ритуалы, отличающиеся в разных регионах.

Купить: https://telnovel.me/ru/medie_pis-adzho/novaya-afi

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)